

УДК 82-131

Комплекс трикстера в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова

Комиссарова Ульяна Александровна

Аспирант,

кафедра истории журналистики и литературы,

Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова,

111024, Российская Федерация, Москва, шоссе Энтузиастов, 21;

e-mail: komissarov99999@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена мифопоэтическим образам романа Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». В рамках статьи выявлен трикстерный комплекс на примере таких героев, как Фагот и Бегемот. Также прослежены их художественные функции в романе. Проанализирован образ «советского трикстера» (по терминологии Марка Липовецкого): в соответствии с вычлененными характеристиками трикстера советского периода (амбивалентность, лиминальность, трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест, функция медиатора и связь трикстера с сакральным контекстом) указаны различия «советского трикстера» и его мифологического предшественника: возникновение меркантильного интереса, появление «хозяина» (заказчика), от которого начинает зависеть мобильность героя-трикстера. Булгаковские персонажи Фагот и Бегемот обладают основными архетипными чертами и характеристиками трикстера. При этом герои включают в себя как черты мифологического плута, так и черты трикстера советского периода. Однако, в отличие от своих мифологических и литературных предшественников, которые морально амбивалентны (то есть с одинаковой легкостью творят добро и зло), Фагот и Бегемот не совершают ни одного по-настоящему злого дела и поступка. Фагот и Бегемот в произведении играют роль «кармической» силы, функция которой заключается в восстановлении нарушенной справедливости.

Для цитирования в научных исследованиях

Комиссарова У.А. Комплекс трикстера в романе «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 1А. С. 225-232.

Ключевые слова

Архетип, трикстерный комплекс, мифология, «советский трикстер», Фагот, Бегемот.

Введение

Трикстер – это архаический персонаж ранней мифологии практически всех народов земли. Термин введен в научный обиход американским антропологом Полом Радином, впервые предпринявшим исследование архетипа трикстера в культурологическом анализе мифологии индейцев виннебаго [Радин, 1999, 265-286]. Трикстер отличается лукавством, хитроумием, коварством, жестокостью, способностью к трансформациям или перевоплощению. Он всегда одновременно творец и разрушитель, обманщик и жертва обмана. У него нет сознательных желаний, его поведение определяется инстинктами и импульсами. Он не знает ни добра, ни зла, хотя и несет ответственность и за то, и за другое [Радин, 1999, 21].

В последнее время данный тип героя приобрел широкую популярность и феномен трикстера активно изучается в литературоведении и культурологии. Однако, несмотря на это, многие герои трикстерного типа так и остаются неисследованными. В частности, не исследован трикстерный комплекс в героях романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Коровьеве и Бегемоте. Представленный в данной статье угол зрения позволяет нам рассмотреть свиту Воланда не в общепринятой «демонической», а в трикстерной парадигме. Что в свою очередь позволит выявить новые характерологические черты.

«Советский трикстер» по Марку Липовецкому: основные функции и особенности

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» был написан в советское время, в этот период массовую популярность обретают «авантюрные» герои. По мнению филолога Марка Липовецкого, таких персонажей, как барон Мюнхгаузен, Буратино, Остап Бендер, поручик Ржевский, Штирлиц и Василий Теркин, объединяет то, что все они репрезентируют культурный архетип трикстера [Липовецкий, 2009, 224]. Но стоит отметить, несмотря на то, что «советский трикстер» (термин Марка Липовецкого), безусловно, близок традиционному образу трикстера-плута, они все же разные. Первое отличие заключается в «меркантильном интересе». Так, в традиционном образе трикстера если и угадывается «меркантильный интерес», то он проявляется не так ярко и четко, нежели артистизм и театральность героя. Второе отличие: что «советский трикстер» в большинстве случаев зависит от некоего хозяина и «его мобильность определяется сменой хозяев» [Липовецкий, 2009, 230], в то время как исходный трикстер – это независимый персонаж, имеющий абсолютную свободу и страсть к злым шуткам и коварству. Однако основные функции, которые заложены в архетипе трикстера, свойственны и его «советской» разновидности, а именно: амбивалентность и функция медиатора, лиминальность, трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест, и связь трикстера с сакральным контекстом [Юнг, 1999, 265-286]. К тому

же стоит отметить, что мифологические трикстеры (такие, как скандинавский бог Локи, североамериканский Ворон и римский Меркурий) функционируют на уровне космоса, «советский» же трикстер разворачивается в мире советской культуры и идеологии.

Трикстерный комплекс в героях романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Коровьеве (Фаготе) и Бегемоте

В героях романа «Мастер и Маргарита» Фагот и Бегемот отчетливо просматривается трикстерный комплекс, и их смело можно причислить к «советским трикстерам». Первое же описание Коровьева приближает его к образу скомороха, клоуна или шута. Весь его вид неуклюж и смешон: иронические и полупьяные глаза; усишки, напоминающие куриные перья; неопрятная, даже грязная одежда с жокейским картузником на голове и сильно натянутыми клетчатými брючками. Отметим так же, что клетчатая одежда является одним из традиционных обликов Арлекина [Отто, 2008, 347]. Позже «втируша-регент» наденет на себя пенсне, «в котором одного стекла вовсе не было, а другое треснуло» [Булгаков, 2006, 39], добавляющее к своему образу еще больше бессмыслицы. О шутовском начале трикстера говорит Беатрис Отто, но она делает различие между героем трикстером и шутом, ссылаясь на то, что трикстер в отличие от шута совершенно свободная личность, которой дозволено делать все, что ей вздумается [Отто, 2008, 352]. Несложно заметить, что грань между этими типами персонажей в советском периоде стирается.

Из облика кота Бегемота видно, что кот необычен не только тем, что может ходить на задних лапах и говорить на «русском языке», но и тем, что обладает умением превращаться в человека. В десятой главе романа «Вести из Ялты» Бегемот предстает перед Варенухой в виде котообразного толстяка: «Варенуха вздрогнул, обернулся и увидел за собою какого-то небольшого толстяка, как показалось, с кошачьей физиономией» [Булгаков, 2006, 234]. Так же в двадцать восьмой главе мы снова видим «толстяка в рваной кепке», у которого «действительно немного рожа смахивает на кота». А в предпоследней главе романа в сцене «последнего полета» Бегемот принимает уже истинный облик – «худенького юноши, демона-пажа, лучшего шута, какой существовал когда-либо в мире» [Булгаков, 2006, 410]. Таким образом, можно сказать, что Бегемот проявляет одну из черт свойственную трикстеру – зооморфность и оборотничество [Юнг, 2008, 476-480].

Булгаковские герои, как и все герои-трикстеры, «обладают парадоксальными и амбивалентными характеристиками, и имеют двойственную природу» [Морозова, 2006, 317]. Также в данных героях отчетливо просматривается функция медиатора. На протяжении всего романа Фагот и Бегемот постоянно меняют свою роль, облик, позицию и способ воздействия на окружающих их людей. Булгаковские персонажи рушат систему ценностей, а так же «непочтительно высмеивают» границы норм морали и абсурдность философии того времени, но при этом полностью сливаются с «московской средой» романа. Во мно-

гих случаях они копируют поведение других персонажей, что особенно хорошо заметно на примере Коровьева. Герой подстраивает тембр голоса собеседника, имитирует его мимику, манеру говорить и жестикуляцию. Этот персонаж примеривает несколько «амплуа»: он и спившийся бывший регент церковного хора, и переводчик Воланда, и «запевала», и «секретарь», и актер в цирке. Кроме того на людях Коровьев-Фагот говорит противным, дребезжащим голосом, кривляется словно шут, а с Воландом говорит «очень чистым и звучным голосом». И на балу у сатаны ведет себя так, как подобает настоящему рыцарю. Так в герое совмещаются две противоположности шут и рыцарь. Возможно, этим автор хотел показать разницу между испорченным, искаженным, советским обществом и тем чистым, истинным миром, который ведает Воланд и его свита.

То же происходит и с пороками людей. Коровьев дает взятку председателю жилтоварищества Никанору Ивановичу, а позже сам же доносит на него. При этом Воланд характеризует председателя словами «выжига и плут» [Булгаков, 2006, 76]. Получается, что и Коровьев, и Бегемот «обжуливают» людей настолько же, насколько те обманывают друг друга.

Двойственная природа персонажей проявляется и в том, что, несмотря на «аморальное» поведение, булгаковские герои в некоторых случаях лучше, честнее и справедливее, нежели «пострадавшие московские обыватели». Коровьев и Бегемот «приносят» беды и неприятности только виновным; люди, не преступающие мораль и закон, остаются нетронутыми, что является довольно странным поведением для традиционного мифологического трикстера, поскольку тот не слишком избирателен в поиске объекта для розыгрышей и проказ [Отто, 2008, 454]. Так, за телефонное хамство наказан Варенуха, за неверие поплатились жизнью Берлиоз и рассудком Иван Бездомный (последний скорее за сомнения), Лиходеев за служебное несоответствие был телепортирован в Ялту.

Следующая трикстерная функция, которая тесно связана с функцией амбивалентности, – лиминальность. Так, лиминальный персонаж всегда изображается как «человек дороги», который обитает между позициями, ритуальным порядком, предписанным обычаем или законом. Происхождение таких героев всегда «туманно», а их социальная позиция неуловимо изменчива [Липовецкий, 2009, 231]. Булгаковские персонажи в полной мере обладают лиминальной функцией. Во-первых, свита Воланда на протяжении всего романа находится в движении: неожиданно появляются («И тут знойный воздух сгустился над ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида» [Булгаков, 2006, 1]) и так же неожиданно исчезают («оба хулигана взлетели вверх под потолок и там будто бы лопнули оба, как воздушные детские шары» [там же, 359]). Во-вторых, происхождение булгаковских героев туманно. Мы ничего не знаем о прошлом Коровьева и Бегемота. Не знаем, что с ними было до того, как они попали в советскую Москву, не знаем и того, что с ними случится после «последнего полета». И в-третьих, социальная и этическая позиция этих персонажей неуловимо изменчива. За время пребывания в Москве они исполняют сразу несколько ролей.

Еще один признак, который лежит в основе архетипа трикстера, а также проявляется в Фаготе и Бегемоте – связь с сакральным контекстом. Так как вне ритуального контекста трикстер не существует, именно этот элемент и отличает трикстера от примитивного обманщика и жулика. Трикстер производит священное, только нарушая табу. Именно это придает ему магическую силу, которая отождествляется со священным [Юнг, 1999, 270]. Мы видим, что булгаковские герои, нарушая социальные и культурные нормы, парадоксальным образом производят сакральное. То есть Фагот и Бегемот благодаря своему поведению производят новое «сакральное», вносят положительные аспекты в общество. О том, что свита Воланда так или иначе вносит именно «положительное» в мир, воссозданный Булгаковым на страницах романа «Мастер и Маргарита», уже было сказано ранее.

Также на примере выходок Коровьева и Бегемота можно рассмотреть так называемый трикстерный потlach [Липовецкий, 2009, 240]. Так, в романе есть несколько трикстерских потлачей, которые основаны на «отождествлении потребления ценностей с их растратой» [там же]. Во-первых, это подмена денег на обычную бумагу после сеанса в Варьете. Во-вторых, это исчезновение приобретенной одежды в дамском магазинчике, который создал Фагот. В-третьих, это замена Прохора Петровича, председателя зрелищной комиссии театра Варьете, на пустой костюм (превращение самого человека в одну из вещей). Стоит отметить, что в данных примерах раскрывается образ Фагота и как демиурга. Оба персонажа обладают сверхъестественными способностями, но именно Фагот имеет способность создавать вещи-фигии (Фагот по приказу Воланда создает кресло на сцене; Коровьев выполняет фокус с картами, создает иллюзию денег; вместе с Бегемотом они проделывают фокус с «отрыванием», а затем «прилаживанием» головы Бенгальского, создание иллюзии женского магазинчика), а также обладает знанием будущего и прошлого (знает «гадости» о консьерже и то, чем на самом деле занимался Аркадий Аполлонович). Фагот также обладает даром исцеления («подул на простреленный палец Геллы, и тот зажил»). Именно эти аспекты сближают его образ с образом творца.

Заключение

В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» мы видим, что трикстерный комплекс ярко воплотился в таких героях, как Коровьев и Бегемот. Данные герои имеют общие черты, которые свойственны как мифологическому трикстеру, так и «советскому трикстеру». Однако стоит отметить, что булгаковские персонажи отличны от своих мифологических и литературных предшественников. Главное отличие в том, что если первые морально амбивалентны (то есть с одинаковой легкостью творят добро и зло), то Фагот и Бегемот, в сущности, не совершают ни одного по-настоящему злого дела и поступка. Все их разрушение направлено на восстановление справедливости и разоблачения правды, а, значит, добра. Стоит отметить, что «страдают» от выходок Коровьева и кота Бегемота именно виновные

люди. То есть если рассматривать представленных героев в общепринятой «демонической парадигме», как приспешников сатаны, это невольно приведет к искажению их философской сущности, а, следовательно, к искажению смысловой сути романа. Фагот и Бегемот являются своего рода «кармической» силой, функция которой восстанавливать нарушенную справедливость, то есть выявлять и разоблачать зло в мире.

Библиография

1. Боборыкин В.Г. Михаил Булгаков. М.: Просвещение, 1991. 208 с.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Эксмо, 2006. 640 с.
3. Березкин Ю.Е. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии. СПб: ИДПО Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003. С. 97-164.
4. Липовецкий М.Н. Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 224-245.
5. Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, 1979. 228 с.
6. Морозова Е.А. Кросскультурная концепция провокативности: архетип Трикстера. СПб.: Речь, 2005. 317 с.
7. Отто Б.К. Дураки: те, кого слушают короли. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 345-350.
8. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия, 1999. 288 р.
9. Юнг К.Г. О психологии образа трикстера // Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия, 1999. С. 265-286.
10. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М.: АСТ, 2008. 592 с.
11. Яновская Л.М. Треугольник Воланда // К истории романа «Мастер и Маргарита». Киев: Либидь, 1992. С. 73-174.

Trickster's complex in *Master and Margarita* by Mikhail Bulgakov

Ul'yana A. Komissarova

Postgraduate,

Department of journalism and of literature history,

Griboedov institute of international law and economics,

111024, 21 Entuziastov hwy, Moscow, Russian Federation;

e-mail: komissarov99999@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to mythological images of Mikhail Bulgakov's novel *Master and Margarita*. Within the framework of the article, a trickster complex has been identified with such heroes as Fagot (Koroviev) and cat Behemoth. The author traces their plot functions in the novel and analyses the image of the "soviet trickster" (in Mark Lipovetsky's terminology). In accordance with the subtracted characteristics of the trickster of the Soviet period (ambivalence, liminality, the transformation of cheats and transgressions into an artistic gesture, the mediator function and the connection of a trickster with a sacred context) the author shows the differences between the "soviet trickster" and its mythological predecessor: the arrival of mercantile interest, the appearance of the "master" (customer), from which the mobility of the hero-trickster depends. Bulgakov's characters Fagot and Behemoth possess the basic archetypal features and characteristics of a trickster. Both characters have supernatural powers, but it is Fagot who has the ability to create fiction things, has the knowledge of the future and the past, and has the gift of healing. In this case, the heroes include both the features of a mythological trickster and the features of a trickster from the Soviet period. However, unlike their mythological and literary predecessors, which are morally ambivalent (that is, with equal ease they do good and evil), Fagot and Behemoth do not commit any truly evil deed. Only the guilty people "suffer" from the tricks of Koroviev and the cat Behemoth. That is, if we consider the presented heroes in the generally accepted "demonic paradigm" as satellites of Satan, this will involuntarily lead to a distortion of their philosophical essence, and, consequently, to a distortion of the semantic essence of the novel. Fagot and Behemoth play the role of "karmic" force, whose function is to restore the violated justice.

For citation

Komissarova U.A. (2017) Kompleks trikstera v romane "Master i Margarita" M.A. Bulgakova [Trickster's complex in *Master and Margarita* by Mikhail Bulgakov]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), pp. 225-232.

Keywords

An archetype, complex of the trickster, mythology, "soviet trickster", Fagot, Behemoth.

References

1. Berezkin Yu.E. (2003) Trikster kak seriya epizodov [Trickster as a series of episodes]. In: *Trudi fakulteta etnologii* [Proceedings of the department of ethnology]. St. Petersburg: IDPO European University in St. Petersburg, pp. 97-164.
2. Boborykin V.G. (1991) *Mikhail Bulgakov*. Moscow: Prosveshenie Publ.
3. Bulgakov M.A. (2006) *Master i Margarita* [Master and Margarita]. Moscow: Eksmo Publ.

4. Jung C.G. (1968) *Psychology and Alchemy*. Princeton, N.J.: Princeton University Press (Russ. ed.: Jung K.G. (2008) *Psikhologiya i alkhimiya*. Moscow: AST Publ.).
5. Jung C.G. (1999) O psikhologii obraza trikstera [On the psychology of the trickster]. In: Radin P. *The trickster: a study in American Indian mythology*. Schocken (Russ. ed.: Radin P. *Trikster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indeitsev*. St. Petersburg: Eurasia Publ., pp. 265-286).
6. Lipovetskii M.N. (2009) Trikster i "zakrytoe" obshchestvo [Trickster and a "closed" society]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 100, pp. 224-245.
7. Meletinskii E.M. (1979) *Paleoaziatskii mifologicheskii epos. Tsikl Vorona* [Paleoasian mythological epic. The Raven cycle]. Moscow: Nauka Publ.
8. Morozova E.A. (2005) *Krosskul'turnaya kontseptsiya provokativnosti: arkhetyip Trikstera* [Cross-cultural provocative concept: the archetype of the Trickster]. St. Petersburg: Rech Publ.
9. Otto B.K. (2007) *Fools are everywhere: the court jester around the world*. University of Chicago Press (Russ. ed.: Otto B.K. (2008) *Duraki: te, kogo slushaut koroli*. St. Petersburg: Azbuka-classic Publ.).
10. Radin P. (1987) *The trickster: a study in American Indian mythology*. Schocken (Russ. ed.: Radin P. (1999) *Trikster. Issledovanie mifov severoamerikanskikh indeitsev*. St. Petersburg: Eurasia Publ.).
11. Yanovskaya L.M. (1992) Treugol'nik Volanda [Voland's triangle]. In: *K istorii romana "Master i Margarita"* [On the history of the *Master and Margarita*]. Kiev: Libid' Publ., pp. 173-174.